

Федор Михайлович
Достоевский

ЗОЛОТЫЕ
ЦИТАТЫ

Федор Михайлович
Достоевский

ЗОЛОТЫЕ ЦИТАТЫ

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2017

УДК 821.161.1-3Достоевский

ББК 84(2=411.2)1-4

Д70

Допущено к распространению

Издательским советом

Русской Православной Церкви

ИС Р16-618-0675

Достоевский Ф. М.

Д70 Золотые цитаты : Сборник / сост. Д. А. Кузнецов;
ассист. сост. М. А. Курчина. — М. : Изд-во Сретенского
монастыря, 2017. — 128 с.

ISBN 978-5-7533-1337-9

Произведения Ф. М. Достоевского давно «разорваны» на цитаты. Мысли писателя навсегда вошли в копилку лучших афоризмов русских классиков. Однако все чаще, и прежде всего в средствах массовой информации и в Интернете, публикуются «цитаты», приписываемые Федору Михайловичу. В данном сборнике предпринята попытка собрать самые яркие и наиболее значимые мысли автора, вложенные им в уста своих героев или же высказанные им самим в многочисленных статьях и заметках. Это мысли, касающиеся главных тем, волновавших писателя всю его творческую жизнь: вера и Бог, человек и его жизнь, творчество, современность, нравственность, любовь и конечно же Россия.

УДК 821.161.1-3Достоевский

ББК 84(2=411.2)1-4

ISBN 978-5-7533-1337-9

© Сретенский монастырь, 2017

*Меня зовут психологом: неправда,
я лишь реалист в высшем смысле,
то есть изображаю все глубины
души человеческой.*

(Записная тетрадь. XXVII. С. 65)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Федор Михайлович Достоевский — личность уникальная в истории России, великий русский мыслитель, романист, публицист, философ, один из самых читаемых, известных и влиятельных писателей-психологов в мире. Господь благословил Россию Достоевским: под его пером родились потрясающие по своей точности пророчества о будущем страны, в его произведениях причудливо переплетаются русские характеры, судьбы России, ее горести и надежды, святость русского народа и его потерянность, его одиночество и страдания. И во всем этом Достоевский отчетливо разглядел Бога, Бога во всем: в каждой мелочи, в каждом событии и в каждой черте.

Известный священнослужитель Сербской Православной Церкви и богослов преподобный Иустин (Попович) отмечал: «Я знаю Достоевского как пророка, как апостола, как мученика, как поэта, как философа. Многогранность

его гения поражает. Всечеловечески широкий и глубокий, он принадлежит всем, но и все принадлежат ему. Он настолько человек, настолько сверхчеловек, что родственен всем <...>, всем людям на всех континентах. В нем есть что-то от каждого из нас, то есть каждый может найти себя в нем. Своим всечеловеческим сочувствием и любовью он свой для всех».

Видимо, именно своей мировой отзывчивостью, честностью со своим читателем и непостижимым даром Достоевский смог стать близким народам всего мира. Его одинаково чтят и в Европе, и в Америке, и в Азии (например, в Японии, где его книги расходятся миллионными тиражами); в крупнейших мировых театрах проходят аншлаговые спектакли по нетленным сюжетам его романов, снимаются фильмы, организуются посвященные его творчеству семинары и конференции. Но особое отношение к Федору Михайловичу — в России. В годы своей жизни после триумфального дебюта с романом «Бедные люди» он не раз становился объектом самой ненавистной и жестокой критики. Его героев считали искусственными, сюжеты — нелогичными, а взгляды на Россию — ошибочными. Не простив писателю его пророчества в романе «Бесы» и такой точной и угрожающей карикатуры на российских революционеров, В. И. Ленин называл романы Достоевского покаянным кли-

кушеством, пахучими произведениями и морализирующей блевотиной. Несмотря на все это, писатель оставался близок гражданам советского общества и, кроме того, смог многих из них привести в Церковь, ко Христу. Но всецело только в современном обществе, свободном от идеологических догм, Федор Михайлович был принят как религиозный мыслитель, душевидец и пророк. Сама жизнь в современной России, с ее проблемами и духовным кризисом, требует новой мысли, которая может быть основана на наследии Достоевского. Именно он способен во многом стать учителем новой России. Как справедливо заметил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «нужно говорить о Достоевском и как об огромной величине в политической философии: ведь это он — автор русской идеи, которая, как впоследствии скажет русский философ Владимир Соловьев, заключается в христианском преображении мира на основе истины, красоты и добра». Достоевский внес пока еще недооцененный вклад в русскую общественно-политическую мысль, встав вместе со своим братом Михаилом у истоков почвенничества, прославлявшего межсословную гармонию и особую религиозно-этическую миссию России.

Все произведения Достоевского — это единая нить, сцены одной драмы; они неразрывно связаны общей мыслью, идеей, в основе

которой — результат личного житейского, философского и религиозного опыта писателя и его народа. Именно за это Достоевского с любовью прозвали зеркалом русской души.

Произведения Ф. М. Достоевского давно «разорваны» на цитаты. Мысли писателя навсегда вошли в копилку лучших афоризмов. Однако все чаще, и прежде всего в средствах массовой информации и в Интернете, публикуются «цитаты», приписываемые Федору Михайловичу. В данном сборнике предпринята попытка собрать самые яркие и наиболее значимые мысли автора, вложенные им в уста своих героев или же высказанные им самим в многочисленных статьях, заметках, письмах. Это мысли, касающиеся главных тем, волновавших писателя всю его творческую жизнь: вера и Бог, человек и его жизнь, творчество, современность, нравственность, любовь и конечно же — Россия.

Для удобства читателей каждая цитата снабжена ссылкой на работу автора с указанием тома тридцатитомного академического собрания сочинений и страницы.

Читать и перечитывать Достоевского можно и нужно всю жизнь, с каждым разом открывая в работах писателя все новые и новые грани. Многочисленные рассуждения, высказывания и переживания Федора Михайловича не могут оставить равнодушным мыслящего человека;

От составителя

их глубинный смысл носит вечный характер. Мысли, высказанные им, не утрачивают своей актуальности, а герои его произведений кажутся нам такими знакомыми и понятными.

«А любил он прежде всего живую человеческую душу во всем и везде, и верил он, что мы все род Божий, верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением. Приняв в свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и преодолев все это бесконечной силой любви, Достоевский во всех своих творениях возвещал эту победу. Изведав Божественную силу в душе, пробивающуюся через всякую человеческую немощь, Достоевский пришел к познанию Бога и Богочеловека. Действительность Бога и Христа открылась ему во внутренней силе любви и всепрощения, и эту же всепрощающую благодатную силу проповедовал он как основание и для внешнего осуществления на земле того царства правды, которого он жаждал и к которому стремился всю свою жизнь» (В. С. Соловьев, русский религиозный мыслитель. Три речи в память Достоевского).

* * *

Федор Михайлович Достоевский родился 11 ноября (30 октября по старому стилю) 1821 года в Москве. Его отец, Михаил Андреевич, был врачом Мариинской больницы для

бедных. Именно в этом здании и прошло детство Феди. Федор Михайлович вспоминал: «Я происхожу из благочестивой русской семьи. С самого раннего детства я вспоминаю любовь моих родителей. В нашей семье мы знали Евангелие почти с колыбели».

В 1837 году, когда Федору было 16 лет, умерла его мать. Федор и его любимый брат Михаил отправились в один из пансионов Петербурга. Федор поступил в Главное инженерное училище. Два года спустя он получает письмо с извещением о смерти отца: как свидетельствовали очевидцы, он был убит своими крепостными недалеко от села Дарового. Считается, что именно тогда с Федором Достоевским случился первый приступ эпилепсии, болезни, которая мучила его затем всю жизнь.

В 1843 году Ф. М. Достоевский, прекрасно владевший несколькими европейскими языками, взялся за серьезную литературную работу — перевод романа Оноре де Бальзака «Евгения Гранде». В 1946 году Достоевский празднует свою первую литературную победу: его дебютный роман «Бедные люди» был высоко оценен публикой и критиками, включая В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова. Тем не менее его следующие работы — «Двойник», «Хозяйка», «Белые ночи», «Неточка Незванова» — были встречены не столь радушно, со значительной долей критики.

В 1849 году литературная деятельность Достоевского была прервана в связи с арестом по известному делу Петрашевского. Несколько лет в Петербурге на квартире русского революционера М. В. Буташевича-Петрашевского собирались сторонники радикальных перемен в российском обществе, обличители самодержавия, приверженцы социалистических идей. Писатель вспоминал: «Я уже в 1846 году был посвящен во всю правду этого грядущего “обновленного мира” и во всю святость будущего коммунистического общества». За чтение и распространение в кружках запрещенного письма Белинского Достоевский и ряд его единомышленников были приговорены к смертной казни «через расстреляние». Приведение в исполнение судебного приговора 22 декабря 1849 года на Семеновском плацу представляло собой не что иное, как инсценировку. В самое последнее мгновение перед выстрелом осужденным было объявлено о помиловании императором и замене расстрела каторгой в Сибири. События на Семеновском плацу произвели на молодого человека огромное впечатление, которое он несколько раз раскрывал перед читателями в монологах героев своих произведений (два из них приведены в разделе «Биографические выдержки из романов»). По пути в Омск Достоевский встретился

с женами декабристов, которые подарили ему Евангелие. Эту книгу, столько раз перечитываемую за четыре года каторжных работ, Достоевский сохранил на всю жизнь. Впечатления о тяжелом периоде пребывания в остроге Федор Михайлович передаст в повести «Записки из мертвого дома».

Каторга сыграла решающую роль в жизни Достоевского. Он не только пересмотрел свои взгляды, изменил отношение к жизни, но и превратился в глубокорелигиозного человека, идеалом для которого на всю жизнь стал Иисус Христос, а Библия — вечной спутницей жизни. Годы, проведенные на каторге, были периодом внутреннего перерождения, который и дал нам того Достоевского, которого мы знаем.

В 1854 году Достоевский был освобожден и несколько лет провел по службе в Сибири и Северо-Восточном Казахстане: Кузнецке, Барнауле, Семипалатинске. В Кузнецке он знакомится с чиновником Исаевым и его супругой Марией Дмитриевной, которая, вскоре овдовев, приняла предложение Федора Михайловича стать его женой. Мария Дмитриевна имела сына Павла, которого Достоевский принял как своего, родного. В это время Достоевский, не оставляя службы, вновь начинает заниматься творчеством, издает такие произведения, как «Село Степанчиково и его обитатели», «Дядюшкин сон».

В течение двух лет Достоевский пребывания в Твери и лишь в 1860 году с семьей возвращается в Петербург, где у него начинается поистине новая жизнь. Так, он и его брат Михаил начинают издавать журнал «Время», а затем — «Эпоха», на страницах которых появились «Записки из подполья», «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные» и «Зимние заметки о летних впечатлениях». Тогда же братья дают начало новому направлению в общественно-политической мысли — почвенничеству. Некоторое время спустя от тяжелой болезни умирает супруга писателя, а затем и его брат. Достоевский берет на себя полную заботу о пасынке Павле и семье своего покойного брата. Тогда же Федор Михайлович ненадолго увлекается Аполлинарией Суловой, слушательницей лекций в университете, и совершает с нею поездку во Францию. Там им овладевает страсть к рулетке, которая не сможет отпустить его многие последующие годы, принеся много несчастья писателю и его близким.

Не выдержав разорительной игры, расходов на родственников и убытков от журнала, Достоевский прекращает издание «Эпохи». В безвыходной ситуации он обращается к издателям за финансовой поддержкой, по главам издавая свой самый знаменитый роман «Преступление и наказание», а затем почти на кабальных

условиях (под угрозой потери прав на издание своих работ в течение девяти лет (!) в пользу издателя Ф. Т. Стелловского) обязуется менее чем за месяц написать еще один роман. Именно тогда Достоевский задумывает роман «Игрок», в основе сюжета которого — испепеляющая страсть к рулетке. Пользуясь советом друзей и осознавая нехватку времени, Достоевский приглашает помощницу — молодую стенографистку Анну Григорьевну Сниткину. Благодаря ей всего за 26 дней он заканчивает работу над романом.

По окончании работы писатель обращается к Анне Григорьевне за советом в отношении новой своей задумки. Он рассказывает ей о сюжете романа, главным героем которого является старый и больной художник, безумно влюбленный в одну молодую особу. Спрашивая Анну о том, насколько психологически верно задуманы персонажи, он заключил: «Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?» Все поняв, Анна Григорьевна, которой тогда было всего 20 лет, сказала: «Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь».

После свадьбы и тяжелого периода в финансовых делах супруги совершают поездку по Европе, полную одновременно и счастья (влюбленные наконец-то смогли побыть одни),

и горя (Достоевский снова вернулся к игре). Лишь спустя годы при помощи любящей супруги Федор Михайлович оставил рулетку, уже навсегда.

После возвращения в Россию молодая жена помогла мужу окончательно решить финансовые вопросы с издателями. Несомненно, Анна Григорьевна выступила в жизни великого писателя мудрой и любящей супругой, беззаветно преданной мужу, которая всецело изменила жизнь Достоевского; его состояние улучшилось, жизнь наладилась, наступил расцвет творчества. Тогда же Анна Достоевская начинает вести дневник, благодаря которому удалось восстановить многие подробности жизни гения.

Писатель по-настоящему любил свою жену. После несчастного первого брака и долгих лет одиночества Достоевский воспринял встречу с Анной как подарок Господа. Его нежная любовь к Анне читается и в строчках его писем к ней: «Мой бесценный и бесконечный друг Аня, пишу тебе на этот раз только несколько строк, чтобы поздороваться с тобой, поцеловать тебя и уведомить тебя только о том, как я доехал...»; «Здравствуй, милый мой ангел! Обнимаю тебя крепко-крепко. Всю дорогу думал о тебе»; «...А зачем ты так заплакала, Аня, милочка, меня провожая? Пиши мне, голубчик!..»; «Аня, ясный свет мой, солнце мое, люблю тебя! Вот в разлуке-то

все и почувствуешь и перечувствуешь и сам узнаешь, как сильно любишь. Твой до последней частички и целую тебя бессчетно»... Таких писем Анна сохранила несколько десятков. Для зрелого Достоевского наконец-то сбылась мечта о настоящем христианском браке.

В Европе у молодоженов рождается дочка Соня, но умирает, не прожив и полугода. Ошеломленный смертью своего ребенка, Достоевский меняет концепцию своего нового замысла, который затем преобразится в великий роман «Идиот». В Дрездене у них рождается дочь Любовь.

После возвращения в Россию Достоевские поселились в Старой Руссе Новгородской губернии, где родились не только два их сына, Алексей и Федор, где были написаны «Подросток», «Бесы», «Кроткая». Там же Достоевский берется вести так называемый «Дневник писателя» — серию очерков и публицистических заметок, в которых делится с читателями своими взглядами на историю России, российское общество и события мирового масштаба. Проводя аналогию с современной публицистикой, отметим: Достоевский выступил в определенной мере одним из первых российских блогеров, быстро, искренне и открыто реагируя в печати на наиболее значимые события того времени и делясь с читателями интересными мыслями.

В 1878 году семья возвращается в Петербург, занимая дом 5/2 в Кузнечном переулке (ныне Дом-музей писателя), в котором Достоевский проживет до самой смерти. В том же году сам император Александр II представил романиста своей семье, а в 1880-м Достоевский выступил с Пушкинской речью на открытии памятника «солнцу русской поэзии» в Москве. Эта речь, в которой Достоевский коснулся не только творчества Пушкина, но и судьбы русского народа, была принята со всеобщим ликованием, одобрением коллег-писателей, включая И. С. Тургенева. В том же году Достоевский закончил работу над своим самым большим и значимым романом, «Братья Карамазовы», посвящая его любимой жене. Роман вобрал в себя все то, о чем писателю думалось и болелось ранее, объединив основные типы героев Достоевского, его сюжеты, любимые стили.

26 января (по старому стилю) 1881 года у писателя внезапно «пошло кровью горло» (обострение патологии легкого). К вечеру 28 января Федор Михайлович в предчувствии смерти попросил жену почитать ему Евангелие. Страница случайно открылась на притче о блудном сыне. Повторив вслух жене фразу из Библии «не удерживай», признавшись Анне, что он «всегда горячо любил» ее и «не изменял никогда даже мысленно», и сокрушаясь о том, что оставляет

ее одну с детьми, Достоевский тихо скончался. Ему было 59 лет.

Сразу по смерти Федора Михайловича Анна Григорьевна остановила большие настольные часы в его кабинете. До сих пор эти часы, застыв, указывают своими стрелками на тот роковой час.

Похороны Достоевского превратились в масштабное шествие, в котором сошлись представители разных движений, слоев и возрастов. Это было первое в России подобное шествие, проводы писателя объединили людей разных взглядов и убеждений. Своей смертью Достоевскому удалось примирить самых непримиримых идейных и религиозных противников.

Похоронен Федор Михайлович на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Так сложилась жизнь великого русского писателя, искреннего и безудержного в своей попытке нести читателям свет веры и истины, которые открывались ему благословением Божиим.

* * *

Станьте солнцем, вас все и увидят...

(Преступление и наказание. VI. С. 352)

Тварь ли я дрожащая или право имею?

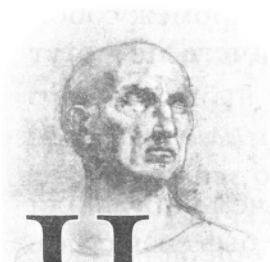
(Преступление и наказание. VI. С. 322)

ЗОЛОТЫЕ ЦИТАТЫ

Edouard-Louis Luce

О ЧЕЛОВЕКЕ

ЧЕЛОВЕК есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком.

(Письма. XXVIII/I. С. 63)

Человек не из одного какого-нибудь побуждения состоит, человек — целый мир, было бы только основное побуждение в нем благородно.

(Дневник писателя. XXV. С. 170)

...Мне кажется, мы такие разные люди на вид... по многим обстоятельствам, что у нас, пожалуй, и не может быть много точек общих, но, знаете, я в эту последнюю

идею сам не верю, потому очень часто только так кажется, что нет точек общих, а они очень есть... это от лености людской происходит, что люди так промеж собой на глаз сортируются и ничего не могут найти...

(Идиот. VIII. С. 24)

Никто не может быть чем-нибудь или достигнуть чего-нибудь, не быв сначала самим собою.

(Записная тетрадь. XX. С. 176)

...Причины действий человеческих обыкновенно бесчисленно сложнее и разнообразнее, чем мы их всегда потом объясняем, и редко определенно очерчиваются.

(Идиот. VIII. С. 402)

Какая разница между демоном и человеком? Мефистофель у Гёте говорит на вопрос Фауста: «Кто он такой» — «Я часть той части целого, которая хочет зла, а творит добро». Увы! Человек мог бы сказать о себе совершенно обратное: «Я часть той части целого, которая вечно хочет, жаждет, ал-

чет добра, а в результате его деяний — одно лишь злое».

(Записная тетрадь. XXIV. С. 287–288)

Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всем свете так, всегда и с начала веков, во времена переходные, во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шатости в основных общественных убеждениях. Но у нас это более чем где-нибудь возможно, и именно в наше время, и эта черта есть самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени. В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, — вот в чем наша современная беда!

(Дневник писателя. XXI. С. 131)

Всем хочется казаться благородными. Делать подлость с благородством.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 98)

...В наш век негодяй, опровергающий благородного, — всегда сильнее, ибо имеет вид достоинства, почерпаемого в здравом смысле, а благородный, походя на идеалиста, имеет вид шута.

(Дневник писателя. XXV. С. 54)

...Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убежденные, что их подлость есть величайшее благородство, подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременном намерении все-таки ее докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы.

(Подросток. XIII. С. 49)

Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится.

(Записки из подполья. V. С. 122)

Свойства палача в зародыше находятся почти в каждом современном человеке.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 155)

Во всяком человеке, конечно, таится зверь, — зверь гневливости, зверь сладострастной распалюемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу, спущенного с цепи, зверь нажитых в разврате болезней, подагр, больных печенок и проч.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 220)

В самом деле, выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 217)

С невозможным человеком и отношения принимают иногда характер невозможный, и фразы вылетают подчас невозможные.

(Дневник писателя. XXIII. С. 17)

Ограниченному «обыкновенному» человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным

и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний.

(Идиот. VIII. С. 384)

Есть дружбы странные: оба друга один другого почти съесть хотят, всю жизнь так живут, а между тем расстаться не могут. Расстаться даже никак нельзя: раскапризившийся и разорвавший связь друг первый же заболевает и, пожалуй, умрет, если это случится.

(Бесы. X. С. 12)

Есть такие характеры, которые очень любят считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это вслух или утешать себя втихомолку, поклоняясь своему непризнанному величию.

(Неточка Незванова. II. С. 157)

Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 10)

У честных — врагов бывает всегда больше, чем у бесчестных.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 230)

Узнал я, что не только жить подлецом невозможно, но и умирать подлецом невозможно... Нет, господа, умирать надо честно!..

(Братья Карамазовы. XIV. С. 445)

Нет ничего в мире труднее прямодушия, и нет ничего легче лести. Если в прямодушии только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходит тотчас диссонанс, а за ним — скандал.

(Преступление и наказание. VI. С. 366)

Всякий поступает по совести, а порядочный человек по совести и рассчитывает.

(Письма. XXVIII. С. 228)

...Всегда должна быть мерка порядочности, которую мы должны уважать, даже если и не хотим быть порядочными.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 85)

...Кто так легко склонен терять уважение к другим, тот прежде всего не уважает себя.

(Дневник писателя. XXV. С. 16)

...Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется. Хорошо смеется человек — значит хороший человек. Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную. Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен. Смех требует прежде всего искренности, а где в людях искренность? Смех требует беззлобия, а люди всего чаще смеются злобно. Искренний и беззлойный смех — это веселость, а где в людях в наш век веселость, и умеют ли люди веселиться? <...> Веселость человека — это самая выдающаяся человека черта, с ногами и руками. Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони. Только с самым высшим и с самым счастливым развитием человек умеет веселиться общительно, то есть неотразимо и добродушно.

(Подросток. XIII. С. 285)

Трус тот, кто боится и бежит; а кто боится и не бежит, тот еще не трус.

(Идиот. VIII. С. 293)

Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек. Иной, по-видимому, о том и не думает, а все-таки эти воспоминания бессознательно да сохраняет. Воспоминания эти могут быть даже тяжелые, горькие, но ведь и прожитое страдание может обратиться впоследствии в святыню для души.

(Дневник писателя. XXV. С. 172–173)

Я вам скажу, что такое розга. Розга в семействе есть продукт лени родительской, неизбежный результат этой лени. Все, что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно бы было достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером, — всего того слабые, ленивые, но нетерпеливые отцы полагают всего чаще достигнуть розгой: «Не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю». Каков же результат выходит? Ребенок

хитрый, скрытный непременно покорится и обманет вас, и розга ваша не исправит, а только развратит его. Ребенка слабого, трусливого и сердцем нежного — вы забьете. Наконец, ребенка доброго, простодушного, с сердцем прямым и открытым — вы сначала измучаете, а потом ожесточите и потеряете его сердце.

(Дневник писателя. XXV. С. 190)

Ребенку можно все говорить, — все; меня всегда поражала мысль, как плохо знают большие детей, отцы и матери даже своих детей. От детей ничего не надо утаивать под предлогом, что они маленькие и что им рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И как хорошо сами дети подмечают, что отцы считают их слишком маленькими и ничего не понимающими, тогда как они все понимают. Большие не знают, что ребенок даже в самом трудном деле может дать чрезвычайно важный совет. О Боже! когда на вас глядит эта хорошенькая птичка, доверчиво и счастливо, вам ведь стыдно ее обмануть! Я потому их птичками зову, что лучше птички нет ничего на свете. <...> Через детей душа лечится...

(Идиот. VIII. С. 58)

...Я объявляю торжественно, что дух жизни веет по-прежнему и живая сила не иссякла в молодом поколении. Энтузиазм современной юности так же чист и светел, как и наших времен. Произошло лишь одно: перемещение целей, замещение одной красоты другою! Все недоумение лишь в том, что прекраснее: Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей? <...> А я объявляю, что Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! Форма красоты уже достигнутая, без достижения которой я, может, и жить-то не соглашусь... О Боже!

(Бесы. X. С. 372–373)

Не принимает род людской пророков своих и избивает их, но любят люди мучеников своих и чтут тех, коих замучили.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 292)

Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они больше всего боятся...

(Преступление и наказание. VI. С. 6)

...Жизнь — целое искусство, жить — значит сделать художественное произведение из самого себя...

(Петербургская летопись. XVIII. С. 13)

О ЖИЗНИ

ЗАПОМНИТЕ мой завет: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интриг. Берите то, что дает сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает вам того, что дает иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь. Уважайте жизнь!

(Из разговора с Ф. М. Достоевским // Тимофеева В. В. Год работы со знаменитым писателем (Посвящается памяти Достоевского).

*Исторический вестник.
Февраль 1904. С. 499–500)*

Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 240)

Видно, правда, что вся вторая половина человеческой жизни составляется обыкновенно из одних только накопленных в первую половину привычек.

(Бесы. X. С. 208)

Жизнь задыхается без цели.

(Ряд статей о русской литературе. XIX. С. 135)

Но человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мере человек всегда как-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь. Положим, человек только и делает, что отыскивает эти дважды два четыре, океаны переплы-

вает, жизнью жертвует в этом отыскивании, но отыскать, действительно найти, — ей-Богу, как-то боится. Ведь он чувствует, что как найдет, так уж нечего будет тогда отыскивать. Работники, кончив работу, по крайней мере деньги получают, в кабачок пойдут, потом в часть попадут, — ну вот и занятия на неделю. А человек куда пойдет? По крайней мере каждый раз замечается в нем что-то неловкое при достижении подобных целей. Достижение он любит, а достигнуть уж и не совсем, и это, конечно, ужасно смешно. Одним словом, человек устроен комически; во всем этом, очевидно, заключается каламбур. Но дважды два четыре — все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре — ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется. Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещица.

(Записки из подполья. V. С. 118-119)

Слово я есть до того великая вещь, что бессмысленно, если оно уничтожится. Тут

не надо никаких доказательств. Всякое доказательство несоизмеримо. Мысль, что я не может умереть, не доказывается, а ощущается, ощущается, как живая жизнь. Палец мой живет, и я не могу отрицать, что он существует. Точь-в-точь и я: раз сказав: «я есмь», я не могу допустить себя, что я не буду, не могу никак.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 234)

...Я все поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я есмь! В тысячи мук — я есмь, в пытке корчусь — но есмь! В столпе сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, — это уже вся жизнь.

(Братья Карамазовы. XV. С. 31)

...Пусть я не достигну ничего, пусть расчет неверен, пусть лопну и провалюсь, все равно — я иду. Иду потому, что так хочу.

(Подросток. XII. С. 71)

В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли

своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему. Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение: «Есть деньги, стало быть, могу делать все, что угодно; есть деньги — стало быть, не погибну и не пойду просить помощи, а не просить ни у кого помощи есть высшая свобода». А между тем это в сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег. Напротив, самая высшая свобода — не копить и не обеспечивать себя деньгами, а «разделить всем, что имеешь, и пойти всем служить». Если способен на то человек, если способен одолеть себя до такой степени, — то он ли после того не свободен? Это уже высочайшее проявление воли!

(Дневник писателя. XXV. С. 62)

Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно. Что ж из этого следует? А следует то, что кроме свободы,

есть еще равенство, и именно равенство перед законом.

(Зимние заметки о летних впечатлениях. V. С. 78)

Ничего нет ужаснее, как жить не в своей среде.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 198)

Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не всё же, и часто иной хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость, особенно если умеет красно говорить или писать.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 142)

Муки и слезы — ведь это тоже жизнь.

(Преступление и наказание. VI. С. 417)

Я решительно не знаю, для чего жизнь так коротка. Чтоб не наскучить, конечно, ибо жизнь есть тоже художественное произведение самого творца в окончательной и безукоризненной форме пушкинского сти-

хотворения. Краткость есть первое условие художественности. Но если кому не скучно, тем бы и дать пожить подольше.

(Подросток. XIII. С. 256)

...Как легко прививаются привычки роскоши и как трудно потом отставать от них, когда роскошь мало-помалу обращается в необходимость.

(Идиот. VIII. С. 114)

Без труда и без законной, нормальной собственности человек не может жить, развращается, обращается в зверя.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 16)

Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее.

(Письма. XXVIII/1. С. 162)

Жизнь хороша, и надо так сделать, чтоб это мог подтвердить на земле всякий.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 243)

Мир... духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай» — вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали. Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение тем, что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте такому единению людей. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг

О жизни

к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить ее. У тех, которые небогаты, то же самое видим, а у бедных неутоление потребностей и зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут. Спрашиваю я вас: свободен ли такой человек?

(Братья Карамазовы. XIV. С. 284–285)

О ЛЮБВИ

...**В**ЛЮБИТЬСЯ — не значит любить.
Влюбиться можно и ненавидя.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 96)

Ищите же любви и копите любовь
в сердцах ваших. Любовь столь всесильна,
что перерождает и нас самих.

(Дневник писателя. XXV. С. 193)

Любовью все покупается, все спасается.
Уж коли я, такой же, как и ты, человек греш-
ный, над тобой умилился и пожалел тебя,
кольми паче Бог. Любовь — такое бесценное
сокровище, что на нее весь мир купить мо-
жешь, и не только свои, но и чужие грехи
еще выкупишь. Ступай и не бойся.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 48)

Не удастся один шаг, удастся другой. Все состоит в правдивости и прямоте побуждения, в любви. Любовь есть основа побуждения, залог его прочности. Любовь города берет. Без нее же ничего и никто не возьмет, разве силой; но ведь есть такие вещи, которые никогда не возьмешь силой. Любовь понятнее всего, всяких хитростей и дипломатических тонкостей. Ее мигом узнаешь и отличишь.

*(Ряд статей о русской литературе.
XVIII. С. 67)*

В отвлеченной любви к человечеству любишь почти всегда одного себя.

(Идиот. VIII. С. 379)

Отцы и учителя, мыслю: «Что есть ад?»
Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже более любить».

(Братья Карамазовы. XIV. С. 292)

Ревность — страсть непростительная, мало того: даже — несчастье!..

*(Чужая жена и муж под кроватью.
II. С. 81)*

...Можно быть дурным собою, но пленять умом, сильным чувством и приятными манерами...

(Двойник. I. С. 207)

Любовь украшает лицо.

(Село Степанчиково и его обитатели. III. С. 148)

И никто-то, никто-то не должен знать, что между мужем и женой происходит, коль они любят друг друга. И какая бы ни вышла у них ссора, — мать родную, и ту не должны себе в судьи звать и один про другого рассказывать. Сами они себе судьи. Любовь — тайна Божия и от всех глаз чужих должна быть закрыта, что бы там ни произошло. Святее от этого, лучше. Друг друга больше уважают, а на уважении много основано. И коль раз уж была любовь, коль по любви венчались, зачем любви проходить! Неужто нельзя ее поддержать? Редко такой случай, что нельзя поддержать.

(Записки из подполья. V. С. 157–158)

...Лишним людям не надо бы родиться. Сначала перекуйте так все, чтоб они не были лишние, а потом и родите их.

(Бесы. X. С. 452)

О любви

...Иметь детей и родить их — есть самое главное и самое серьезное дело в мире, было и не переставало быть.

(Дневник писателя. XXIII. С. 92)

Было двое, и вдруг третий человек, новый дух, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нет ничего выше на свете!

(Бесы. X. С. 452)

Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье.

(Идиот. VIII. С. 433)

О СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТИИ

НЕСЧАСТИЕ – заразительная болезнь. Несчастливым и бедным нужно сторониться друг от друга, чтоб еще более не заразиться.

(Бедные люди. I. С. 65)

Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием.

*(Подготовительные материалы к роману
«Преступление и наказание». VII. С. 155)*

Без страдания и не поймешь счастья. Идеал через страдание переходит, как золото через огонь. Царство Небесное усилием достается.

(Письма. XXIX/1. С. 137–138)

...Разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок?

*(Записки о русской литературе.
XXVI. С. 142)*

...Для счастья созданы люди, и кто вполне счастлив, тот прямо удостоен сказать себе: «Я выполнил завет Божий на сей земле». Все праведные, все святые, все святые мученики были все счастливы.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 51)

...Счастье не в счастье, а лишь в его достижении.

(Дневник писателя. XXIV. С. 94)

Так, когда мы несчастны, мы сильнее чувствуем несчастье других; чувство не разбивается, а сосредотачивается...

(Белые ночи. II. С. 128)

Человек только свое горе любит считать, а счастья своего не считает. А счел бы

как должно, так и увидел бы, что на всякую долю его запасено.

(Записки из подполья. V. С. 157)

О, что такое мое горе и моя беда, если я в силах быть счастливым? Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...

(Идиот. VIII. С. 459)

Однако, как радость и счастье делают человека прекрасным! как кипит сердце любовью! Кажется, хочешь излить все свое сердце в другое сердце, хочешь, чтоб все было весело, все смеялось. И как заразителна эта радость!

(Белые ночи. II. С. 128)

О счастье и несчастьи

...Счастье не в том, чтоб иметь социальную возможность сидеть сложа руки и разве для разнообразия побогатырствовать, коль выпадает случай, а в вечной неутомимой деятельности и в развитии на практике всех наших склонностей и способностей.

(Петербургская летопись. XVIII. С. 31)

Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это все, все! Кто узнает, тотчас сейчас станет счастлив, сию минуту.

(Бесы. X. С. 188)

Созидается общество началами нравственными.

(Дневник писателя. XXIV. С. 184)

О НРАВСТВЕННОСТИ

... **О**Т **ВЫСШЕЙ** гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженьке»! <...> ...Я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которые необходимы были для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 223)

Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо

О нравственности

еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос:
верны ли мои убеждения?

(Записная тетрадь. XXVII. С. 56)

Скажу одно: что нравственные лишения тяжелее всех мук физических. Простолюдин, идущий в каторгу, приходит в свое общество, даже, может быть, еще в более развитое. Он потерял, конечно, много — родину, семью, все, но среда его остается та же.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 55)

...Жалость — драгоценность наша, и искоренять ее из общества страшно. Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, тогда ему же самому станет плохо: оно очерствеет и засохнет, станет развратно и бесплодно...

(Дневник писателя. XXII. С. 71)

...Самые благороднейшие способности человеческого сердца, именно — способность прощать и отплачивать за зло великодушием.

(Униженные и оскорбленные. III. С. 248)

Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей.

А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются. Но как мне не верить: я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и живой образ ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целости, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей...

(Дневник писателя. XXV. С. 118)

Сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять.

(Дневник писателя. XXI. С. 15)

Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет.

(Село Степанчиково и его обитатели. III. С. 13)

Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 168)

Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного

О нравственности

и прекрасного нельзя пускать поколение в путь.

(Дневник писателя. XXV. С. 181)

...В самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства.

(Село Степанчиково и его обитатели. III. С. 160)

...Без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности.

(Дневник писателя. XXII. С. 75)

Преступление всегда останется преступлением... грех всегда будет грехом, постыдным, гнусным, неблагородным, на какую бы степень величия вы ни вознесли порочное чувство!

(Неточка Незванова. II. С. 262–263)

Не наказывайте его [человека], если хотите, но назовите зло злом, иначе вы делаете большой вред.

(Дневник писателя. XXIII. С. 167)

Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра.

(Дневник писателя. XXV. С. 62)

Я хочу не такого общества, где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 162)

Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 234)

Ошибки и недоумения ума исчезают скорее и бесследнее, чем ошибки сердца; излечиваются же не столько от споров и разъяснений логических, сколько неотразимую логику событий живой, действительной жизни, которые весьма часто, сами в себе, заключают необходимый и правильный вывод и указывают прямую дорогу, если и не вдруг, не в самую минуту их появления, то во всяком случае в весьма быстрые сроки, иногда даже и не дожидаясь

следующих поколений. Не то с ошибками сердца. Ошибки сердца есть вещь страшно важная: это есть уже зараженный дух иногда даже во всей нации, несущий с собою весьма часто такую степень слепоты, которая не излечивается даже ни перед какими фактами, сколько бы они ни указывали на прямую дорогу.

(Дневник писателя. XXV. С. 5)

...Если то, что мы почитаем святынею, — позорно и порочно, то мы не избегнем кары от самой природы: позорное и порочное несет само в себе смерть и, рано ли, поздно ли, само собою казнит себя.

(Дневник писателя. XXV. С. 98)

Да тем-то и сильна великая нравственная мысль, тем-то и единит она людей в крепчайший союз, что измеряется она не немедленной пользой, а стремится их в будущее, к целям вековечным, к радости абсолютной. Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной?

(Дневник писателя. XXVI. С. 164)

...Разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную гармонию, в которой бы можно было ужиться человеку.

(Дневник писателя. XXI. С. 10)

О ТВОРЧЕСТВЕ И ЗНАНИИ

ВЕЛИКИЕ мысли приходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства...

(Вечный муж. IX. С. 87)

Величайшее умение писателя — это уметь вычеркивать. Кто умеет и кто в силах свое вычеркивать, тот далеко пойдет.

(Письма. XXVIII/2. С. 107)

Знание не перерождает человека: оно только изменяет его, но изменяет не в одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натуре этого человека.

(Ряд статей о русской литературе. XIX. С. 20)

Есть вещи... о которых не только нельзя умно говорить, но о которых и начинать-то говорить неумно.

(Бесы. X. С. 150)

А главное в том, что искусство всегда в высшей степени верно действительности, — уклонения его мимолетные, скоропроходящие; оно не только всегда верно действительности, но и не может быть неверно современной действительности. Иначе оно не настоящее искусство. В том-то и признак настоящего искусства, что оно всегда современно, насущно-полезно.

(Ряд статей о русской литературе.

XVIII. С. 100-101)

Не ум главное, а то, что направляет его, — натура, сердце, благородные свойства, развитие.

(Униженные и оскорбленные. III. С. 309)

...Вы представить не можете, какая грусть и злость охватывает всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу

О творчестве и знании

и вы вдруг встречаете ее уже на толкучем, неузнаваемую, в грязи, поставленную нелепо, углом, без пропорции, без гармонии, игрушкой у глупых ребят!

(Бесы. X. С. 24)

Нет такой старой темы, на которую нельзя бы было сказать что-нибудь новое.

(Дневник писателя. XXIII. С. 79)

Образованная ложь всегда выражается в жизни циничнее; тем отвратительней становится она нравственному чувству человека, чем толще покрыта лаком внешней образованности и прогрессивных понятий.

(Два лагеря теоретиков. XX. С. 17)

...Случается же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена. Да и что самому прежде невдогад было, так вот здесь как начнешь читать в такой книжке, так сам все помаленьку и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь.

(Бедные люди. I. С. 59)

Фантазия есть природная сила в человеке.

(Письма. XXX/1. С. 211–212)

...Лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, то есть родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный, но не прежде.

(Дневник писателя. XXIII. С. 81)

Искусство есть такая потребность для человека, как есть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, — неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете.

(Ряд статей о русской литературе. XVIII. С. 94)

Начиная с начала мира до настоящего времени, искусство никогда не оставляло человека, всегда отвечало его потребностям и его идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала, — рождалось с человеком, развивалось рядом с его исторической жизнью и умирало вместе с его исторической жизнью.

(Ряд статей о русской литературе. XVIII. С. 101)

...Чтоб умно поступать — одного ума мало.

(Преступление и наказание. VI. С. 180)

Талант есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 145)

...Хорошие мысли предпочитают блестящему слогу. Слог — это, так сказать, внешняя одежда; мысль — это тело, скрывающееся под одеждой.

(Статьи. Молодое перо. XX. С. 78)

Таланту нужно сочувствие, ему нужно, чтоб его понимали, а ты увидишь, какие лица обступят тебя, когда ты хоть немного достигнешь цели. Они будут ставить ни во что и с презрением смотреть на то, что в тебе выработалось тяжким трудом, лишениями, голодом, бессонными ночами. Они не ободрят, не утешат тебя, твои будущие товарищи; они не укажут тебе на то, что в тебе хорошо и истинно, но с злою радостью будут поднимать каждую ошибку твою, будут указывать тебе именно на то, что у тебя

дурно, на то, в чем ты ошибаешься, и под наружным видом хладнокровия и презрения к тебе будут как праздник праздновать каждую твою ошибку (будто кто-нибудь был без ошибок!).

(Неточка Незванова. II. С. 152)

...Ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума; по-моему, это в равной же мере могло бы служить и признаком большой глупости.

(Идиот. VIII. С. 463)

На то и ум, чтоб достичь того, чего хочешь. Нельзя версты пройти, так пройди только сто шагов, всё же лучше, все ближе к цели, если к цели идешь. И если хочешь непременно одним шагом до цели дойти, так ведь это, по-моему, вовсе не ум.

(Зимние заметки о летних впечатлениях. V. С. 62)

...Кто верует, тот силен, а мы веруем и, главное, хотим веровать.

(Ряд статей о русской литературе. XVIII. С. 96)

О БОГЕ И ВЕРЕ

Я – ДИТЯ ВЕКА, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало

того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной.

(Письма. XXVIII/1. С. 176)

...Если исказишь Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня.

*(Вступительное слово, сказанное
на литературном утре в пользу студентов
С.-Петербургского университета
30 декабря 1879 г. перед чтением главы
«Великий инквизитор». XV. С. 198)*

Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся.

(Дневник 1881. XXVII. С. 85)

Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «выс-

шие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной нее вытекают.

(Дневник писателя. XXIV. С. 48)

...Без веры в свою душу и ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо.

(Дневник писателя. XXIV. С. 46)

Совість без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного.

(Дневник 1881. XXVII. С. 56)

Дух Святой есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознание гармонии, а стало быть, неуклонное стремление к ней...

(Заметки к «Бесам». XI. С. 154)

Ничего нет лучше для исправления, как прежнее с раскаянием вспомнить.

(Идиот. VIII. С. 203)

...Бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заприметит, такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда он с неба завидит, что

грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится.

(Идиот. VIII. С. 183–184)

На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом. Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 290)

Добрые дела не остаются без награды, и добродетель всегда будет увенчана венцом справедливости Божией, рано ли, поздно ли.

(Бедные люди. I. С. 105)

...Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того:

О Боге и вере

тогда ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 64–65)

Тайна что? все есть тайна, друг, во всем тайна Божия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поет, али звезды всем сонмом на небе блещут в ночи — всё одна эта тайна, одинаковая. А всех бóльшая тайна — в том, что душу человека на том свете ожидает. Вот так-то, друг!

(Подросток. XIII. С. 287)

О, благодарю Тебя, Боже, за все, за все, и за гнев Твой, и за милость Твою!.. И за солнце Твое, которое просияло теперь, после грозы, на нас! За всю эту минуту благодарю!

(Униженные и оскорбленные. III. С. 422)

Бог уже потому мне необходим, что это единственное существо, которое можно вечно любить...

(Бесы. X. С. 505)

Отсутствие Бога нельзя заменить любовью к человечеству, потому что человек

тотчас спросит: для чего мне любить человечество?

(Записная тетрадь. XXIV. С. 308)

...Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить.

(Идиот. VIII. С. 181)

Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас. Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся. Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру... Буди, буди!

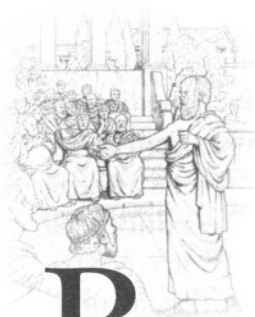
(Братья Карамазовы. XIV. С. 286)

Покоя нет. Будущность чревата. Что-то недоделанное в мире.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 97)

О ПОЛИТИКЕ

В ЖИЗНИ народов все важнейшее слагается всегда сообразно с их важнейшими и характернейшими национальными особенностями.

(Дневник писателя. XXV. С. 216)

Власть дается только тому, кто посмеет поклониться и взять ее.

(Преступление и наказание. VI. С. 321)

Каждая запрещенная мысль, тотчас же, чуть запрещена, ставится на пьедестал самими же запретителями.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 95)

...Кто крепок и силен духом, тот над ними [людьми] и властелин. Кто много

посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель...

(Преступление и наказание. VI. С. 321)

Говорят: ваше общество не консервативно. Правда, самый исторический ход вещей (с Петра) сделал его не консервативным. А главное: оно не видит, что сохранять. Все у него отнято, до самой законной инициативы. Все права русского человека — отрицательные. Дайте ему что положительного и увидите, что он будет тоже консервативен.

(Дневник 1881. XXVII. С. 50)

При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственности всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее.

(Дневник писателя. XXVI. С. 165)

Мерило народа не то, каков он есть, а то, <что> он считает прекрасным и истинным, о чем воздыхает...

(Записная тетрадь. XXIV. С. 147)

Кстати, скажу одно особое слово о славянах и о славянском вопросе. <...> ...По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что все точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, — у них характер в этом смысле как у всех, — а именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходить не могут. Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться вперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например,

ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта. Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи... <...> Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех

к себе, тем сдерживает их целостность и единство. Будут даже и такие минуты, когда они будут в состоянии почти уже сознательно согласиться, что не будь России, великого восточного центра и великой влекущей силы, то единство их мигом бы развалилось, рассеялось в клочки и даже так, что самая национальность их исчезла бы в европейском океане, как исчезают несколько отдельных капель воды в море. России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае.

(Дневник писателя. XXVI. С. 77–80)

...Без единыщего огромного своего центра — России — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе.

(Дневник писателя. XXV. С. 39)

Есть люди, как тигры жаждущие лизнуть крови. Кто испытал раз эту власть, это безграничное господство над телом, кровью и духом такого же, как сам, человека, так же созданного, брата по закону Христову;

кто испытал власть и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо, носящее на себе образ Божий, тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях. Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь. Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развиваются загрубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 154)

Есть такой политический, а пожалуй, и естественный, закон природы, который состоит в том, что два сильные и ближайšie друг к другу соседа, как бы ни были дружны, всегда кончат желанием истребить один другого и, рано ли, поздно ли, приведут это желание в действие.

(Дневник писателя. XXII. С. 87)

...Ныне воюют не столько оружием, сколько умом.

(Дневник писателя. XXI. С. 92)

Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё.

(Идиот. VIII. С. 277)

Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благоденствующий консерватизм; но я на русский либерализм нападаю и опять-таки повторяю, что за то, собственно, и нападаю на него, что русский либерал не есть русский либерал, а есть

не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую...

(Идиот. VIII. С. 275)

...Социализм есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю...

(Братья Карамазовы. XIV. С. 25)

Очень может быть, что цели всех современных предводителей прогрессивной мысли — человеколюбивы и величественны. Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями человечества прежде, чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум

О политике

человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома.

(Дневник писателя. XXI. С. 132–133)

Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление.

(Идиот. VIII. С. 20)

Основные нравственные сокровища духа... не зависят от экономической силы.

(Дневник писателя. XXVI. С. 132)

...Да будут прокляты эти интересы цивилизации и даже самая цивилизация, если для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу.

(Дневник писателя. XXV. С. 44)

...Мне Россия нужна; без России последние силенки и талантишка потеряю. Я это чувствую, живьем чувствую.

(Письма. XXIX/1. С. 25)

О РОССИИ И РУССКИХ

... **Р**УССКИЙ человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может. Он всю землю свою, всю общность, всю Россию назвал христианством, «крестьянством». Вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное.

(Дневник писателя. XXIII. С. 130)

В судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства, — в том и заключена вся идея народа русского, в том его

служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и не переставаемая в народе нашем с древнейших времен, непрестанная, может быть, никогда, — и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего.

(Дневник писателя. XXIV. С. 61)

Все назначение России заключается в Православии, в свете с Востока, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Все несчастье Европы, все, все безо всяких исключений произошло оттого, что с Римскою церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся.

(Письма. XXIX/1. С. 146-147)

Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: он учения Христова не знает и проповедей ему не говорят, — но это возражение пустое: все знает, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от

врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: «Господи сил, с нами буди!» — и тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что, кроме Христа, у него тогда ничего не оставалось, а в нем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова. <...> Главная же школа христианства, которую прошел он, это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу!

(Дневник писателя. XXVI. С. 150–151)

Народ русский в огромном большинстве своем — православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не понимает эту идею отчетливо и научно. В сущности в народе нашем кроме этой «идеи» и нет никакой, и все из нее одной и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем своим и глубоким убеждением своим. Он именно хочет, чтоб все, что есть у него и что дают ему, из этой лишь одной идеи и исходило. И это несмотря на то, что

многое у самого же народа является и выходит до нелепости не из этой идеи, а смрадного, гадкого, преступного, варварского и греховного. Но и самые преступник и варвар хоть и грешат, а все-таки молят Бога, в высшие минуты духовной жизни своей, чтоб пресекся грех их и смрад и все бы выходило опять из той излюбленной «идеи» их.

(Дневник писателя. XXVII. С. 18)

Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ «богоносец» — это русский народ.

(Бесы. X. С. 200)

Но пусть, все-таки пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности),

никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду! Он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: «Я сделал неправду». Если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена. Грех есть смрад, и смрад пройдет, когда воссияет солнце вполне. Грех есть дело преходящее, а Христос вечное. Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа — Христос! А с Христом, конечно, и просвещение, и в высшие, роковые минуты свои народ наш всегда решает и решал всякое общее, все-народное дело свое всегда по-христиански.

(Дневник писателя. XXVI. С. 152)

В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развра-

щаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не всё же и в народе мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!

(Дневник писателя. XXII. С. 43)

...Берегите веру народа, и не мечта сие: поражало меня всю жизнь в великом народе нашем его достоинство благолепное и истинное, сам видел, сам свидетельствовать могу, видел и удивлялся, видел, не смотря даже на смрад грехов и нищий вид народа нашего. Не раболепен он, и это после рабства двух веков. Свободен видом

и обращением, но безо всякой обиды. И не мстителен, и не завистлив.

(Братья Карамазовы XIV. С. 286)

Над русским народом стоят две вещи вместо фельдъегеря — водка и мамон, каким образом водка займет место фельдъегеря? Она губит и скотинит его и нищает его. Пьяному не до сострадания не только к животным, но даже к детям своим, к жене своей.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 126)

Христианство есть единственное убежище Русской земли ото всех ее зол.

(Письма. XXX/1. С. 68)

Кто хочет быть выше всех в Царствии Божием — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение в его идеале.

(Дневник писателя. XXIII. С. 47)

Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 121)

...Поверьте, что нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека.

(Дневник писателя. XXIII. С. 127)

Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей.

(Дневник писателя. Из речи о Пушкине. XXVI. С. 147)

Русскому Европа так же драгоценна, как Россия; каждый камень в ней мил и дорог.

(Подросток. XIII. С. 377)

Для Европы Россия — недоумение, и всякое действие ее — недоумение, и так будет до самого конца.

(Дневник писателя. XXIII. С. 101)

...Россия есть игра природы, но не ума.

(Бесы. X. С. 209)

О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого Божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим!

(Подросток. XIII. С. 377)

Россия сильна народом своим и духом его, а не то что лишь образованием, например, своим, богатствами, просвещением и проч., как в некоторых государствах Европы, ставших, за дряхлостью и потерю живой национальной идеи, совсем искусственными и как бы даже ненатуральными.

(Дневник писателя. XXIV. С. 62)

...Хозяин земли русской — есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус — это все одно) — и так будет навсегда.

(Дневник писателя. XXIII. С. 127)

При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного), — хотя и не-

О России и русских

известен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему.

(Записная тетрадь. XXVII. С. 65)

Русские люди вообще широкие люди... широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному.

(Преступление и наказание. VI. С. 378)

...Кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?

(Преступление и наказание. VI. С. 204)

Нынче безлестят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и готовят ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево — все засмеются: «Разве ты до него доживешь?» С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...

(Подросток. XIII. С. 54)

Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально,

своей органической силой, а непременно безлично, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм?

(Дневник писателя. XXVI. С. 132–133)

Даром никогда ничего не достанется. Будем трудиться, будем и свое мнение иметь. А так как мы никогда не будем трудиться, то и мнение за нас будут иметь те, кто вместо нас до сих пор работал, то есть всё та же Европа, все те же немцы — двухсотлетние учителя наши.

(Бесы. X. С. 32–33)

Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите.

*(Дневник писателя. Из речи о Пушкине.
XXVI. С. 147)*

Язык — народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая глубокая мысль!

(Дневник писателя. XXIII. С. 81)

Атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским.

(Бесы. X. С. 196)

Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда! «Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет».

(Идиот. VIII. С. 452)

Нет человека, готового повторять чаще русского: «какое мне дело, что про меня скажут», или: «совсем я не забочусь об общем мнении» — и нет человека, который бы более русского (опять-таки цивилизованного) более боялся, более трепетал общего мнения, того, что про него скажут или подумают. Это происходит именно от глубоко в нем затаившегося неуважения к себе, при необъятном, разумеется, самомнении и тщеславии. Эти две противоположности всегда сидят почти во всяком интеллигентном русском и для него же первого

и невыносимы, так что всякий из них носит как бы «ад в душе».

(Дневник писателя. XXIII. С. 55–56)

Я тоже, например, считаю, что бежать в Америку из отечества — низость, хуже низости — глупость. Зачем в Америку, когда и у нас можно много принести пользы для человечества? Именно теперь. Целая масса плодотворной деятельности.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 501)

Женщины — наша большая надежда, может быть, послужат всей России в самую роковую минуту...

(Дневник писателя. XXIII. С. 24)

Русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она «другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику-генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее «с слезами заклиний молила мать», а в обиженной, израненной душе ее было

тогда лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье?

(Дневник писателя. Из речи о Пушкине.

XXVI. С. 141-142)

...Да здравствует русская женщина, и нет ничего лучше ее безгранично прощающей любви на нашем русском свете!

(Зимние заметки о летних впечатлениях. V. С. 59)

Русские женщины дурнеют быстро, красота их только мелькнет, и, право, это не от одних только этнографических особенностей типа, а и оттого еще, что они умеют любить беззаветно. Русская женщина все разом отдает, коль полюбит, — и мгновенье, и судьбу, и настоящее, и будущее: экономничать не умеют, про запас не прячут, и красота их быстро уходит в того, кого любят.

(Подросток. XIII. С. 370)

...Русский весьма часто смеется там, где надо плакать.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 107)

Вообще в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло. Люди живут простые, нелиберальные; порядки старые, крепкие, веками освященные.

(Записки из мертвого дома. IV. С. 6)

Я не мог выносить этого шныряющего, суесящегося, вечно озабоченного, угрюмого и встревоженного народа, который сновал около меня по тротуарам. К чему их вечная печаль, вечная их тревога и суета; вечная, угрюмая злость их (потому что они злы, злы,

злы)? Кто виноват, что они несчастны и не умеют жить, имея впереди по шестидесяти лет жизни?

(Идиот. VIII. С. 326)

В том и ужас наш, что такие мрачные дела перестали быть для нас ужасными! Вот чему надо ужасаться, привычке нашей, а не единичному злодеянию того или другого индивидуума. Где же причина нашего равнодушия, нашего чуть тепленького отношения к таким делам, к таким знамениям времени, пророчествующим нам незавидную будущность? В цинизме ли нашем, в раннем ли истощении ума и воображения столь молодого еще нашего общества, но столь безвременно одряхлевшего? В расшатанных ли до основания нравственных началах наших или в том, наконец, что этих нравственных начал, может быть, у нас совсем даже не имеется?

(Братья Карамазовы. XV. С. 123)

Не понимать русскому Пушкина — значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и такой обширности,

как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многочисленные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал о всечеловечности и всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил о будущем предназначении гения России во всем человечестве как всеединящего, всепримиряющего и все возрождающего в нем начала.

(Дневник писателя. XXVI. С. 114)

...Будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 286)

Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением. Выгода России не в захвате славянских провинций, а в искренней и горячей заботе о них и покровительстве им, в брат-

ском единстве с ними и в сообщении им духа и взгляда нашего на воссоединение славянского мира. Одной материальной выгодой, одним «хлебом» — такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то — весь русский народ и все движение его в этом году. Движение почти беспрецедентное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде пострадать за правое дело. Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем не поколебимых правил, народ — любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она, народ кроткий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья-Муромец, чтимый им за святого... Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, — и оно радуется, и народ про то знает!

(Дневник писателя. XXIII. С. 150)

...Мир спасет красота.

(Идиот. VIII. С. 317)

О ВЕЧНОМ И МИРОВОМ

ЛЮДИ, люди — самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются.

(Дневник писателя. XXI. С. 93)

По-моему, еще есть лекарства: они в народе, в святынях его...

(Дневник писателя. XXIV. С. 52)

Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось невинно, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им. Затем быстро

родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но уже друг против друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыд и стыд возвели в добродетель. Родилось понятие о чести, и в каждом союзе поднялось свое знамя. Они стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали им врагами. Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разных языках. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением. Тогда у них явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтоб сохранить ее, а для обеспечения кодексов поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смеялись даже

над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой.

(Сон смешного человека. XXV. С. 115–116)

Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут

О вечном и мировом

дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 100)

Милые, добрые, честные (все это есть у вас!), куда же это вы уходите, отчего вам так мила стала эта темная, глухая могила? Смотрите, на небе яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали не живши.

(Дневник писателя. XXIII. С. 26)

Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения...

(Братья Карамазовы. XIV. С. 326)

Во всем есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно.

(Преступление и наказание. VI. С. 230)

Что я теперь? Zégo. Чем могу быть завтра? Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить! Человека могу обрести в себе, пока еще он не пропал!

(Игрок. V. С. 311)

Правда должна быть правдой. А чем ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью.

*(Село Степанчиково
и его обитатели. III. С. 66)*

...К сожалению, правда почти всегда бывает неостроумна.

(Братья Карамазовы. XV. С. 75)

Неправдой свет пройдешь, да назад не воротишься.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 280)

Что ложью началось, то ложью и должно было кончиться; это закон природы.

(Идиот. VIII. С. 481)

Всего труднее в жизни жить и не лгать... и... и собственной лжи не верить, да, да, вот это именно!

(Бесы. X. С. 497)

Сколько зла можно устранить откровенностью!

(Униженные и оскорбленные. III. С. 311)

Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом — не будем никогда забывать друг о друге.

(Братья Карамазовы. XV. С. 196)

...Одни слова, слова и слова, а нам довольно слов; пора уж и синицу в руки.

(Статьи и заметки. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1863 г. XX. С. 211)

Найдите же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь такое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение.

(Братья Карамазовы. XV. С. 195)

...Молчать — большой талант.

(Бесы. X. С. 176)

Невероятно. Пожар в умах, а не на крышах домов.

(Бесы. X. С. 395)

Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства. Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 275)

Я люблю мартовское солнце в Петербурге, особенно закат, разумеется в ясный, морозный вечер. Вся улица вдруг блеснет, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг засверкают. Серые, желтые и грязно-зеленые цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость; как будто на душе прояснеет, как будто вздрогнешь и кто-то под-

О вечном и мировом

толкнет тебя локтем. Новый взгляд, новые мысли... Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!

(Униженные и оскорбленные. III. С. 169)

...Благословляю восход солнца ежедневный, и сердце мое по-прежнему поет ему, но уже более люблю закат его, длинные косые лучи его, а с ними тихие, кроткие, умиленные воспоминания, милые образы из всей долгой и благословенной жизни, — а надо всем-то правда Божия, умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшийся день мой, как жизнь моя земная соприкасается уже с новою, бесконечною, неведомою, но близко грядущею жизнью, от предчувствия которой трепещет восторгом душа моя, сияет ум и радостно плачет сердце...

(Братья Карамазовы. XIV. С. 265)

Итак, самое сильное средство перевоспитания, переделки оскорбленной и опороченной души в ясную и честную есть труд.

(Дневник писателя. XXII. С. 20)

Первый шаг есть всегда самое первое и самое главное дело. Только бы познакомиться с этим обществом, приучить, в обычай ввести, интерес возбудить...

*(Славянофилы, черногорцы
и западники, самая последняя
перепалка. XX. С. 23)*

Всех умней, по-моему, тот, кто хоть раз в месяц самого себя дураком назовет, — способность ныне неслыханная!

(Бобок. XXI. С. 42)

Разве умные люди не могут ошибаться? Да гениальные-то люди и ошибаются чаще всего в средствах к проведению своих мыслей, и часто чем гениальнее они, тем и крупнее ошибаются. Вот рутина, так та реже ошибается.

(Журнальные заметки. XX. С. 74)

Нет ничего обольстительнее для человека как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 232)

Слишком шумно и промышленно становится в человечестве, мало спокойствия духовного.

(Идиот. VIII. С. 311)

...Деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество.

(Подросток. XIII. С. 74)

...Все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 290)

Эгоизм умерщвляет великодушие.

(Дневник писателя. XXV. С. 101)

Основная идея и всегда должна быть недостигаемо выше, чем возможность ее исполнения, например, христианство.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 69)

Без детей нельзя было бы так любить человечество.

(Записная тетрадь. XXIII. С. 177)

...Дети – образ Христов: «Сих есть Царствие Божие». Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...

(Преступление и наказание. VI. С. 252)

...Быть доброй женой и особенно матерью – это вершина назначения женщины.

(Письма. XXIX/2. С. 145)

Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество...

(Дневник писателя. XXII. С. 123)

...Не говорите: «Один в поле не воин»...
Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен.

(Дневник писателя. XXV. С. 62)

...Соприкосновение с природой есть самое последнее слово всякого прогресса, науки, рассудка, здравого смысла, вкуса и отличной манеры.

(Дневник писателя. XXIII. С. 86)

Есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей,

О вечном и мировом

что оторваться от нее ни за что нельзя, и хоть и оторвешься, так все-таки назад веротишься.

(Зимние заметки о летних впечатлениях. V. С. 52)

...Нынешнее время — это время золотой середины и бесчувствия, страсти к невежеству, лени, неспособности к делу и потребности всего готового.

(Подросток. XIII. С. 54)

...Нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может быть, в нем совсем ничего бы и не произошло.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 221)

Закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве!

(Идиот. VIII. С. 311)

Я мелочен лишь в мелочах, но в великом — нет.

(Подросток. XIII. С. 71)

А между тем время идет да идет, на дворе весна и — что-то даст нам весна? Иные

кричат, что ушло уже время; это Бог знает; для хорошего дела всегда есть время.

(Дневник писателя. XXV. С. 37)

Вот что скажу опять: скуки много. Маленький человек и нуждается, хлеба нет, ребяток сохранить нечем, на вострой соломке спит, а все в нем сердце веселое, легкое; и грешит и грубит, а все сердце легкое. А большой человек опивается, объедается, на золотой куче сидит, а все в сердце у него одна тоска. Иной все науки прошел — и все тоска. И мыслю так, что чем больше ума прибывает, тем больше и скуки. Да и то взять: учат с тех пор, как мир стоит, а чему же они научили доброму, чтобы мир был самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище? И еще скажу: благообразия не имеют, даже не хотят сего; все погибли, и только каждый хвалит свою погибель, а обратиться к единой истине не помыслит; а жить без Бога — одна лишь мука.

(Подросток. XIII. С. 302)

НАСТАВЛЕНИЯ

КОЛИ ТЫ хочешь, чтоб тебя уважали, во-первых и главное, уважай сам себя; только этим, только самоуважением ты заставишь и других уважать себя.

(Униженные и оскорбленные. III. С. 310)

...Знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 149)

Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный

человек, и прежде всего потрудись на родной ниве. <...> Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его.

(Дневник писателя. XXVI, С. 139)

Делай неустанно. Если вспомнишь в ночи, отходя ко сну: «Я не исполнил, что надо было», то немедленно встань и исполни.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 291)

Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь — и тайну Божью постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все

далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью. Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя — увы, почти всяк из нас! Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 289)

Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: «Взять ли силой али смиренною любовью?» Всегда решай: «Возьму смиренною любовью». Решишься так раз навсегда и весь мир покорить можешь. Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 289)

На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен. Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливою душой; ты и не заметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Ты и не знал сего, а может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно, пожалуй, а все потому, что ты не уберегся пред дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе. Братья, любовь — учительница, но нужно уметь ее приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 289–290)

Мы на земле недолго, мы делаем много дел дурных и говорим слов дурных. А потому будем же все ловить удобную минуту совместного общения нашего, чтобы сказать друг другу и хорошее слово.

(Братья Карамазовы. XV. С. 170)

«Отцы, не огорчайте детей своих!» Да исполним прежде сами завет Христов и тогда только разрешим себе спрашивать и с детей наших. Иначе мы не отцы, а враги детям нашим, а они не дети наши, а враги нам, и мы сами себе сделали их врагами!

(Братья Карамазовы. XV. С. 170)

Будьте благородным человеком, твердым в несчастиях; помните, что бедность не порок. Да и чего отчаиваться: это все временное! Даст Бог — все поправится.

(Бедные люди. I. С. 81)

...Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное. Да еще надобно верить. Без этого ничего не будет.

(Письма. XXVIII/2. С. 107)

Слушайте, добудьте Бога трудом; вся суть в этом, или исчезнете, как подлая плесень; трудом добудьте.

(Бесы. X. С. 203)

Запомни еще: на каждый день и когда лишь можешь, тверди про себя: «Господи, помилуй всех днесь пред Тобою представших». Ибо в каждый час и каждое мгновение

тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Господом — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умирительно душе его, ставшей в страхе пред Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молещик, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее. Да и Бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уже ты столь пожалел его, то кольми паче пожалет Он, бесконечно более милосердый и любовный, чем ты. И простит его тебя ради.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 289)

Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнет новое чувство, а в нем и новая мысль, которую ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя; и поймешь, что молитва есть воспитание.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 288–289)

...Посмотрите кругом на дары Божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем...

(Братья Карамазовы. XIV. С. 272)

Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяние не оскудевало в тебе — и все Бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил Господь воистину кающемуся. Да и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную Божью любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил Божью любовь? О покаянии лишь заботься, непрестанном, а боязнь отгони вовсе. Веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любит. А об одном кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных, сказано давно. Иди же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды

не сердись. Покойнику в сердце все прости, чем тебя оскорбил, примиришь с ним воистину. Коли каешься, так и любишь.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 48)

Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, стало быть, входит в неуважение к себе и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям, и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому. Лгущий себе самому прежде всех и обидеться может. Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навывдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большего удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной...

(Братья Карамазовы. XIV. С. 41)

Терпи, трудись, молись и надейся — вот истины, которые бы я желал внушить разом всему человечеству!

(Село Степанчиково и его обитатели. III. С. 89)

Если хочешь победить весь мир, победи себя.

(Бесы. X. С. 100)

Прежде чем проповедовать людям: «как им быть», — покажите это на себе. Исполните на себе сами, и все за вами пойдут. Что тут утопического, что тут невозможного — не понимаю!

(Дневник писателя. XXV. С. 63)

Греха своего не бойтесь, даже и осознав его. Лишь бы покаяние было, но условий с Богом не делайте. Паки говорю — не гордитесь. Не гордитесь пред малыми, не гордитесь и пред великими. Не ненавидьте и отвергающих вас, позорящих вас, поносящих вас и на вас клеветующих. Не ненавидьте атеистов, злоучителей, материалистов, даже злых из них, не токмо добрых, ибо и из них много добрых, наипаче в наше время. Поминайте их на молитве тако:

спаси всех, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тех, кто не хочет тебе молиться. И прибавьте тут же: не по гордости моей молю о сем, Господи, ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся... Народ Божий любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и в брезгливой гордости вашей, а пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше. Толкуйте народу Евангелие неустанно... Не лихоимствуйте... Сребра и золота не любите, не держите... Веруйте и знамя держите. Высоко возносите его...

(Братья Карамазовы. XIV. С. 149)

Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе награда на сей земле: духовная радость твоя, которую лишь праведный обретает. Не бойся ни знатных, ни сильных, но будь премудр и всегда благолепен. Знай меру, знай сроки, научись сему. В уединении же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости

Наставления

твоя и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 292)

Делай дело так, как будто ты век собираешься жить, а молись так, как будто сейчас собираешься умереть.

(Записная тетрадь. XXIV. С. 245)

О ДНЕ СВОЕЙ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ КАЗНИ

З

НАЕТЕ ли что? — горячо подхватил князь. — Вот вы это заметили, и это все точно так же замечают, как вы, и машина для того выдумана, гильотина. А мне тогда же пришла в голову одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вам это смешно, вам это дико кажется, а при некотором воображении даже и такая мысль в голову вскочит. Подумайте: если, например, пытка; при этом страдания и раны, мука телесная, и, стало быть, все это от душевного страдания отвлекает, так что одними только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять ми-

нут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас — душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно. Вот как голову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой, вот это-то четверть секунды всего и страшнее. Знаете ли, что это не моя фантазия, а что так многие говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу мое мнение. Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу, или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут всю эту последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают наверно; тут приговор, и в том, что наверно не избежешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он еще все будет надеяться, но прочтите этому самому

солдату приговор наверно, и он с ума сойдет или заплачет. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: «Ступай, тебя прощают». Вот такой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!

(Идиот. VIII. С. 20–21)

Но я вам лучше расскажу про другую мою встречу прошлого года с одним человеком. Тут одно обстоятельство очень странное было, — странное тем, собственно, что случай такой очень редко бывает. Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным

убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет. Мне ужасно хотелось слушать, когда он иногда припоминал свои тогдашние впечатления, и я несколько раз начинал его вновь расспрашивать. Он помнил все с необыкновенною ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет. Шагах в двадцати от эшафота, около которого стоял народ и солдаты, были врыты три столба, так как преступников было несколько человек. Трех первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей; затем против каждого столба выстроилась команда из нескольких человек солдат. Мой знакомый стоял восьмым по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь. Священник обошел всех с крестом. Выходило, что остается жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней, что еще сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он еще распоряжения

разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты еще положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал. Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом. Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чем он будет думать: ему все хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, — так кто же? где же? Все это он думал в эти две минуты решить! Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей; ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три

минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!» Он говорил, что эта мысль у него наконец в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили.

(Идиот. VIII. С. 51–52)

Где это... где это я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти, говорит или думает, что если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, — а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, — и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, — то лучше так жить,

чем сейчас умирать! Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это под-
лецом называет.

(Преступление и наказание. VI. С. 123)

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Романы

- Бедные люди (1846)
- Униженные и оскорбленные (1861)
- Преступление и наказание (1866)
- Игрок (1866)
- Идиот (1868–1869)
- Бесы (1871–1872)
- Подросток (1875)
- Братья Карамазовы (1879–1880)

Повести и рассказы

- Двойник (1846)
- Как опасно предаваться
честолюбивым снам (1846)
- Господин Прохарчин (1846)
- Роман в девяти письмах (1847)
- Хозяйка (1847)
- Ползунков (1848)
- Слабое сердце (1848)
- Честный вор (1848)
- Елка и свадьба (1848)
- Неточка Незванова (1848)
- Белые ночи (1848)

Маленький герой (1849)
Дядюшкин сон (1859)
Село Степанчиково
и его обитатели (1859)
Чужая жена и муж под кроватью (1860)
Записки из мертвого дома (1860)
Скверный анекдот (1862)
Записки из подполья (1864)
Крокодил (1865)
Вечный муж (1870)
Кроткая (1876)
Мальчик у Христа на елке (1876)
Сон смешного человека (1877)

Публицистика

Петербургская летопись (1847)
Рассказы Н. В. Успенского (1861)
Зимние заметки о летних
впечатлениях (1862)
Приговор (1880)
Пушкин (1880)
Дневник писателя (1873, 1876–1877,
1880–1881)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	3
Золотые цитаты	17
О человеке	19
О жизни	31
О любви	40
О счастье и несчастьи	44
О нравственности	48
О творчестве и знании	55
О Боге и вере	61
О политике	67
О России и русских	76
О вечном и мировом	94
Наставления	107
Биографические выдержки из романов	118
<i>Список произведений</i>	
<i>Ф. М. Достоевского</i>	125

Литературно-художественное издание
Федор Михайлович Достоевский
ЗОЛОТЫЕ ЦИТАТЫ

Составитель *Д. А. Кузнецов*

Редактор *Т. А. Соколова*

Верстка *Ю. И. Моисеев*

Обложка *А. Н. Шашина*

Корректор *Н. Н. Родионова*

Технолог *М. Ю. Мыскин*

Подписано в печать 23.03.2017. Зак. № 8794/17.

Формат 70x100/32. Объем 4 п.л. Тираж 3 000 экз.

Бумага офсетная. Печать офсет.

Издательство Сретенского монастыря

Адрес издательства: 107031, Москва, Б. Лубянка, 19

Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-8210

Магазин «Сретение»: (495) 623-8046

Интернет-магазин: www.sretenie.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «ИПК ПаретоПринт»,
170546, Тверская обл, Боровлево-1, Комплекс №3 «А».

www.paretoprint.ru

Произведения Ф. М. Достоевского давно «разорваны» на цитаты. Однако все чаще, и прежде всего в средствах массовой информации и в Интернете, публикуются «цитаты», приписываемые Федору Михайловичу. В данном сборнике предпринята попытка собрать самые яркие и наиболее значимые мысли автора, вложенные им в уста своих героев или же высказанные им самим в многочисленных статьях и заметках. Это мысли, касающиеся главных тем, волновавших писателя всю его творческую жизнь: вера и Бог, человек и его жизнь, творчество, современность, нравственность, любовь и конечно же Россия.

